

Жизнь Пушкина

ПУШКИН

ИЗНАНКА РОКОВОЙ ИНТРИГИ

ЮРИЙ
ДРУЖНИКОВ

Жизнь Пушкина

Юрий Дружников

Пушкин. Изнанка роковой интриги

«Алисторус»

2014

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)

Дружников Ю. И.

Пушкин. Изнанка роковой интриги / Ю. И. Дружников —
«Алисторус», 2014 — (Жизнь Пушкина)

ISBN 978-5-4438-0584-9

Юрий Дружников прошел путь от советского журналиста, писателя-диссидента, эмигранта до профессора славистики Калифорнийского университета. Наряду с нашумевшими антисоветскими, впервые опубликованными на Западе, романами написал трилогию-исследование «Узник России» о жизни и смерти Пушкина. Эта тема нашла продолжение и в настоящей книге полемических эссе, где развенчиваются многие мифы о поэте и бросается вызов традиционной пушкинистике. В своих «независимых расследованиях», в чем-то весьма скандальных, Дружников оспаривает общепринятые параметры пушкинского роста, мифологизированный образ Арины Родионовны, а, главное, причины его семейного конфликта, приведшего к взаимному несчастью, недвусмысленно ставя под сомнение вопрос, насколько бы продлилась жизнь поэта, если бы дуэли с Дантесом удалось избежать.

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)

ISBN 978-5-4438-0584-9

© Дружников Ю. И., 2014
© Алисторус, 2014

Содержание

Какого роста был Пушкин, или Александр Сергеевич почти по Фрейду	5
Назойливая опечатка	5
Парад в честь оккупации Варшавы	8
Главный свидетель	10
Особенности русской арифметики	13
«Самый глупый рост»?	14
Комплекс маленького роста	16
Няня в венчике из роз	18
Няня. Но какая?	19
В услуженье барину	22
Прототип и друзья поэта	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Юрий Дружников

Пушкин. Изнанка роковой интриги

Какого роста был Пушкин, или Александр Сергеевич почти по Фрейду

Назойливая опечатка

Никто специально о росте «центрального», по выражению Ивана Тургенева, русского поэта еще не писал. «Пушкин был невысок», «Поэт был маленького роста», – встречаем то и дело в мемуарах его современников. Есть сравнения: «Перед конторкою, – увидел Пушкина первый раз Ксенофонт Полевой, – стоял человек, немного превышающий эту конторку, худощавый, с резкими морщинами на лице, с широкими бакенбардами, покрывавшими всю нижнюю часть его щек и подбородка, с тучею кудрявых волос»¹. А какого именно роста он был? До нас дошли два указания современников, сделанные походя.

Первое оставил его младший брат Лев Сергеевич: «Пушкин был собою дурен, но лицо его было выразительно и одушевленно; ростом он был мал (в нем было с небольшим пять вершков), но тонок и сложен необыкновенно крепко и соразмерно»². Получается, рост Пушкина... 22 сантиметра с небольшим. Что-то тут, в издании «Пушкин в воспоминаниях современников» 1998 года, не так, хотя оно и называется дополненным. В предыдущих изданиях (1985 и 1974 годов) – та же ошибка. Двигаемся «в глубь веков». Есть она в томе «Пушкин в воспоминаниях современников» (1950), в 1936 году была издана книга «Пушкин в воспоминаниях и рассказах современников» С.Я. Гессена, который сделал «ряд исправлений и дополнений» по архивной копии. Но ошибка осталась. Есть она у В.В. Вересаева в книге «Пушкин в жизни» (1936) и у М.А. Цявловского в «Книге воспоминаний о Пушкине» (1931). Академик Леонид Майков нашел в бумагах Павла Анненкова текст этих воспоминаний и напечатал в своей книге «Пушкин», вышедшей сто лет назад³. И тут «пять вершков», а Лев Пушкин, безусловно, имел в виду «2 аршина 5 вершков».

Свои воспоминания брат поэта «набросал» (выражение Майкова) лично, а опубликовал их Михаил Погодин в журнале «Москвитянин» в 1853 году. В той публикации не только «два аршина» пропущены, но и сам Лев Сергеевич назван Шушкиным. Анненков, писавший первую биографию поэта, ошибся, сказав, что Лев написал свои заметки в начале пятидесятых. Еще в 1846 году в Одессу, где тогда в таможне служил младший Пушкин, приезжал Погодин, и они встречались. В дневнике Погодин записал: «Надо непременно бы собрать теперь все подробности, скажу, кстати, о жизни, образе мыслей и действий нашего славного Пушкина, пока живы столько современников, которые его помнят хорошо...»⁴. Именно Погодин просил брата поэта «повспоминать», и тот написал как бог на душу положил.

Левушка, или Леон, как звали его отец с матерью, он же Лайен, учился в нескольких заведениях, ни одного не окончил. В департамент духовных дел, где он протирал штаны, протолкнул его Александр Тургенев. То чиновник, то военный, то бездельник и всегда большой

¹ К.А. Полевой. Из записок. Пушкин в восп. совр. СПб., 1998, т.2, с.59.

² Л.С. Пушкин. Биографическое известие об А.С.Пушкине до 1826 года. Пушкин в восп. совр. М., 1998, т. I, с. 51.

³ Л.Н.Майков. Пушкин. Биографические материалы и историко-литературные очерки. СПб., 1899, с.9.

⁴ Н.П. Барсуков. Жизнь и труды М.П.Погодина. СПб., 1888–1901, кн.8, с.44.

любитель застолья, ветреник Левушка получал от поэта множество наставлений и, сопровождаемый понуканиями, занимался его делами: устройством рукописей, которые терял, получением гонораров с непременно их пропитием. В армии Лев участвовал в подавлении чеченцев: Лев обыкновенно заглядывает по палаткам, и, где едят или пьют, он там, везде садится, ест и пьет, как вспоминал в «Записках декабриста» Николай Лорер. Лев Сергеевич рекламировал стихи и подвиги брата, но и не раз подводил его. Ростом был ниже, чем старший брат.

В официальном культе великого поэта, распространяющемся и на родственников, Лев Пушкин восхваляется как обладавший безукоризненным вкусом в поэзии. У знавших же его лично (сошлюсь на Якова Полонского) были серьезные подозрения, что младший брат сам сочинял порностишки, которые выдавал за стихи поэта. Вересаев называет Льва ярким представителем «тунеядного, бездельного барства и того мотыльково-легкого отношения к жизни, которое отличало всех близких родственников Пушкина»⁵. Незадолго до известной дуэли, когда поэт, будучи сам в долгах, не мог оплачивать загулы младшего брата, отношения их вообще прервались: «Я полностью порвал со своей семьей, – жаловался Лев в письме к приятелю. – Отец мой оставляет меня подыхать с голоду, а моему брату на... на меня»⁶.

В воспоминаниях Льва Сергеевича ошибок немало. Первым на них обратил внимание В. Гаевский. В «Отечественных записках» (1853, т. 89) он иронизировал, что Лев пустил утку, будто Пушкин восьми лет от роду сочинил пьесу. Путаница с датами в мемуарах брата тоже имеет место, например, Лев Пушкин говорит, что стихи «Наполеон на Эльбе» написаны в 1813 году, а событие произошло в 1815-м. Грустно, конечно, что Пушкин-младший, отозвавшись на просьбу Погодина, пожелал скорее отделаться и набросал текст, немало в нем напутав. Часть авторизованной копии записки жива в архиве⁷. Д. Благой, кстати, в книге «Пушкин в воспоминаниях современников» (Москва, 1950) пишет, что мемуары Льва Пушкина впервые опубликованы в «Отечественных записках», но это ошибка.

Двухтомник «Пушкин в воспоминаниях современников» 1998 года его создатели называют «наиболее полным из ныне существующих мемуарных сборников». Казалось бы, после десяти лет свободы печати в России пора из уважения к читателю восстановить изъятые места. Но жива цензура Пушкинского Дома, все еще стоящего на страже идеального Пушкина. К примеру, одноклассник Пушкина Модест Корф вспоминает слова царя Николая о встрече с Пушкиным: Пушкина «привезли из заключения ко мне в Москву совсем больного и покрытого ранами – от известной болезни». В 1974 году сотрудники Пушкинского Дома вырезали слова «от известной болезни». В издании 1985 года воспоминания Корфа вырезали целиком. В 98-м Корфа реабилитировали, но слова «от известной болезни» опять кастрированы. В текстах, которые давно стали классикой, то тут, то там опять мелькают отточия. По части халтуры возможности свободы печати использованы в полной мере. Обозначены цифры сносок, но самих сносок в некоторых местах нет. В оглавлении указаны статьи, которые вообще отсутствуют. Составители издания рассматривают материалы о Пушкине своих коллег как колхозное достояние, «наше – значит мое». Вместо старых пушкинистов, подлинных авторов примечаний, слегка теперь переброшенных, нынешние сотрудники Пушкинского Дома вписывают себя. В новом издании добавили маленькую хитрость, которой не было в предыдущих: после своих имен комментаторы поставили «и др.».

Бесспорную опisku в указании роста поэта никто из сотен пушкинистов за полтора года не исправил, хотя все тексты о Пушкине просвечивают множество контролирующих глаз. Впрочем, составитель книги «Друзья Пушкина» В.В. Кунин, публикуя воспоминания, просто вымарал у Льва Сергеевича рост Пушкина, чтобы великий русский поэт не был маленького

⁵ В.В. Вересаев. Спутники Пушкина. М., 1993, с.27.

⁶ Пушкин и его современники. СПб., т. 8, с. 49.

⁷ ИРЛИ, ф. 244, оп. 17, № 35.

роста⁸. Но хватит о назойливой ошибке: нужно просто вставить «два аршина» во всех следующих публикациях. Сосредоточимся на втором после Льва человеке, отметившем рост Пушкина.

⁸ Друзья Пушкина. М., 1984, т.1, с.102.

Парад в честь оккупации Варшавы

Шесть лет Григорий Чернецов писал картину по личному указанию царя Николая Павловича. Заказ требовал изобразить торжественный парад по случаю взятия Варшавы, иными словами, увековечить в живописи радость подавления польского восстания. Царь велел разместить на полотне, причем на переднем плане, всех крупных деятелей Российской империи, чтобы своим присутствием они, как говорится, «единодушно одобряли».

Выполняя волю монарха, Чернецов нарисовал Гнедича, Жуковского, Крылова и Пушкина. Были и немногочисленные противники подавления польского восстания, пытавшиеся остаться незамаванными. Пушкин уже подмочил свою репутацию, опубликовав подобострастную инвективу «Клеветникам России», и на картине место ему определили в восторженной толпе. Петр Вяземский, заметим, работавший одно время в Варшаве, осуждал и власти, и друга Пушкина за его постыдные националистические стихи. Чести быть увековеченным на этом параде Вяземский, отдадим ему должное, сумел избежать. Брат Лев, хотя и отличился в Польше в оккупационных войсках, на картину не попал из-за своей незначительности.

Григорий Чернецов был моложе Пушкина на три года и пережил его на 28 лет. Знал Пушкин и младшего его брата, Никанора Чернецова, тоже академика живописи, который подарил поэту кавказский пейзаж. Он висел в квартире на Мойке, а сейчас в музее Пушкина в Москве. С Григорием поэт сдружился, что подтверждает записка, посланная Чернецову со слугой: «Ты хотел видеть тифлисского живописца. Уговорись с ним, когда бы нам вместе к нему приехать, – да можешь ли ты обедать завтра у меня? А.П.».

Пушкину вообще нравилось, когда его рисуют, и он охотно за это платил. Данное полотно финансировалось из госказны. Рисовал Чернецов Пушкина в доме графа Павла Кутайсова на Большой Миллионной. О встречах поэта с гофмейстером двора и сенатором Кутайсовым ничего не известно, но данный факт свидетельствует, что отношения имели место. Возможно, именно через Кутайсова поэт получил дозволение Его Величества стать изображенным, хотя неизвестно, был ли поэт на живом параде. Реализм всегда нуждается в корректировке начальством.

На рисунке, сделанном остро очиненным карандашом, стоящий поэт запечатлен во весь рост рядом с контуром Жуковского. По проведенной осевой линии рисовальщик прикидывал их рост. Пушкин приподнят над опорной линией и более тщательно прорисован. Он во фраке, рука в кармане. Под рисунком Чернецов поставил номер и приписал: «1. Александр Сергеевич Пушкин. Рисовано с натуры 1832-го года. Апреля 15-го. Ростом 2 арш. 5 верш. с половиной»⁹. Пушкин изображен на одном каблуке, второй не дорисован. На голове цилиндр, который рост поэта, конечно же, увеличивает.

Рост Пушкина был важен, поскольку Чернецову предстояло собрать разных государственных лиц на одном полотне. Каждый из 223 участников фиксировался с натуры. Сперва рисунок послужил Чернецову для группового портрета четырех писателей. Художник ухитрился решить трудную задачу: согласовать маленький рост Пушкина с его центральным значением. Пушкин поставлен сзади, но благодаря ракурсу сверху – кажется выше Крылова и Жуковского, а рослый Гнедич отодвинут вбок и смотрит на Пушкина с пиететом. Ту же композицию Чернецов разместил на заказанном царем эпохальном полотне. Оно закончено в год смерти Пушкина, и он себя на параде не увидел. Сейчас эта картина во Всероссийском музее поэта в Санкт-Петербурге. Государственная мифология выполнена в лучших традициях аллюзийного реализма. В советское время кому-то понадобилось переименовать картину «Парад на Царицыном лугу», сделав «Парад на Марсовом поле», что звучит вроде фразы: «Наполеон

⁹ Впервые опубликовано: Нива, № 25, 1914, с. 494.

вошел в Москву по проспекту Маршала Гречко». После этот же конвейерный Пушкин был скопирован братьями Черенцовыми на картину «Пушкин в Бахчисарайском дворце».

Рост Пушкина, записанный Чернецовым, считается более точным, чем записанный братом, и узаконен пушкинистикой: на него идут ссылки. Есть работы, в которых говорится даже, что рисунок Чернецова – единственное документальное свидетельство о росте Пушкина. На всесоюзном юбилейном торжестве в Большом театре по случаю 150-летия Пушкина академик Игорь Грабарь, опираясь на чернецовскую запись, официально объявил этот рост Пушкина: 166,5 сантиметра¹⁰. О том, что, кроме чернецовского, других свидетельств нет и что рост 166,5 точен, заявляют авторы академической «Летописи жизни Пушкина», изданной в 1999 году¹¹.

Однако Чернецов, а следовательно, и Грабарь, и все остальные – ошибаются. Кроме Льва Пушкина и Чернецова существует третий свидетель роста поэта.

¹⁰ И.Э. Грабарь. Внешний облик Пушкина. Пушкин. Материалы юбилейных торжеств. М. – Л., Изд. АН СССР, 1951, с. 151.

¹¹ Летопись жизни и творчества Пушкина. Сост. Н.А. Тархова. М., 1999, т.3, с.468.

Главный свидетель

Как ни странно, именно этот свидетель указал рост поэта точнее других, ибо им оказался не кто иной, как сам Александр Сергеевич, на что до сих пор не обратили внимания биографы.

Сохранившийся в архиве документ относится к 29 ноября 1825 года и требует небольшого пояснения.

Через две недели на Сенатскую площадь Петербурга выйдут восставшие полки, о чем Пушкину, пребывающему в ссылке, неизвестно. Сидеть в Михайловской дыре до смерти надоело. Едва услышав, что какой-то солдат, приехавший из столицы, рассказывал о смерти Александра I, Пушкин для проверки слуха посылает в Новоржев кучера Петра. Тот вернулся, подтвердив слух: присягу принял новый царь Константин. Надежды рухнули – надежды возникли. Царь умер – да здравствует царь! Первая мысль Пушкина – о том, что проблемы его решатся сами собой.

За несколько часов до того, как Пушкин узнал о смерти царя, он писал А. Бестужеву: «... Надоела мне печать... поэмы мои скоро выйдут. И они мне надоели...». Теперь происходившее вселяло сдержанный оптимизм. Неслучайно Анненков назвал часть жизни поэта Александровским периодом: со смертью Александра I закончилась историческая эпоха. Коронация преемника обещала амнистию. Опасные планы побега за границу отложены, желание узника – немедленно ехать в Петербург. Иван Новиков полагает, что Пушкин рассчитывал на обещание лицейского приятеля и дипломата Горчакова раздобыть ему загранпаспорт. «Так все пути к отступлению были отрезаны, – пишет Новиков. – Он (Пушкин. – Ю.Д.) волновался не только близким свиданием с Керн. Он вспоминал и Горчакова: мог бы не говорить, но если сказал, так и сделает. Но он ясно представил, что покидает Россию, – как будто привычная мысль, и все же холодок пробежал по спине»¹².

Пушкин решает отправиться в Петербург не по основной дороге, а по окольной, переодевшись в мужицкий наряд и назвавшись Алексеем Хохловым, крепостным своей соседки Осиповой. Архип уложил в дорожный чемодан одежду барина. Но где взять документ для проезда через многочисленные заставы? И поэт сочинил такой документ сам, то есть, говоря современным языком, изготовил фальшивый паспорт. В нем-то и имеется единственное во всей тысячетомной пушкинистике указание на действительный рост поэта. Назваться он мог любым именем, изменил свой возраст, прибавив три года: поистрепавшись от жизненных невзгод, он стал выглядеть значительно старше своих лет. А вот рост изменить не мог. Рост был для полиции первой приметой в установлении личности.

Билетъ

Сей дань села Тригорскаго людемъ: Алексею Хохлову росту 2 арш. 4 вер., волосы темно-русые, глаза голубые, бороду бреетъ, летъ 29, да Архипу Курочкину росту 2 ар. 3 1/2 в., волосы светло-русые, брови густые, глазом кривъ, рябъ, летъ 45, в удостоверение, что они точно посланы отъ меня в С.Петербургъ по собственнымъ моимъ надобностямъ, и потому прошу господъ командующих на заставах чинить им свободный пропускъ. Сего 1825 года, Ноября 29 дня, село Тригорское, что в Опоческом уезде.

Статская советница Прасковья Осипова.

Текст липового билета создан самим Пушкиным, который искусно подделал писарский почерк, что доказано текстологом Львом Модзалевским¹³. Подпись Осиповой также подделана

¹² И.А. Новиков. Пушкин в изгнании. М., 1985, с.715.

¹³ Летописи гос. лит. музея. Пушкин. М., 1936, кн.1, с.195–196.

Пушкиным, для этого он иначе заточил перо; наконец, поставлена его собственная, а не Осиповой печать. Цявловский считал, «что даже ей, обычно посвящаемой поэтом в его дела, Пушкин не решился доверить свой план»¹⁴. Между тем, сочинив сию бумагу, поэт отправился в Тригорское. Может, наоборот, собирался уговорить соседку написать ему такой документ по образцу или просто хотел предупредить об отъезде? Ведь он назвал себя ее дворовым.

Выехав, Пушкин продолжал думать об опасности предпринятого вояжа. И чем больше думал, тем рискованнее казался результат. Судя по воспоминаниям Соболевского, Пушкин собирался приехать и спрятаться на квартире Рылеева, который светской жизни не вел, и оказался бы в доме одного из основных заговорщиков: Рылеева позднее повесили.

А завтра же до короля дойдет,
Что Дон Гуан из ссылки самовольно
В Мадрит явился, – что тогда, скажите,
Он с вами сделает?

Похоже, написаны эти строки не о Дон Гуане, о самом себе, только чуть позже. В Пскове сразу хватятся. В Петербурге полиция, армия, все приведены в готовность, дабы не возникло беспорядков. Списки подозрительных вынуты, галочки поставлены, за кем особо следить. Пушкина любая сволочь узнает. Донесут мгновенно. Да, есть приятели, они могут помочь, но власть должна определиться, чтобы знать, кого просить о помиловании. Без этого только напустишь на себя гнев сильных мира сего. Нет, лучше сидеть и не рыпаться, теперь уж, даст бог, осталось недолго. В таком ключе думал Пушкин, не ведая, что в Петербурге не знают, какому царю присягать, Николаю или Константину, междоусобице.

В Пушкине, как заметил Юлий Айхенвальд, всегда был «голос осторожности»¹⁵. Говорили, что поэт вернулся, так как дорогу перебежал заяц, навстречу шел священник, а это дурные приметы. Но Пушкин вернулся, по мнению Анненкова, не из-за плохих примет, хотя в них верил, а по осмотрительности, логическому рассуждению и удивительной способности предвидеть опасности – дару, который не раз его выручал. Отъехав немного, поэт велел поворачивать назад. Возврат в Михайловское спас его: до восстания декабристов остались считанные часы. Посадили бы в Петропавловскую крепость, подвергли изнурительным допросам, и неизвестно, чем бы все кончилось.

Пушкин тихо вернулся и между 4 и 6 декабря 1825 года написал письмо Плетневу, надеясь на хлопоты лояльных друзей: «Если братъ, так братъ – не то, что и совести мараť – ради Бога, не просить у царя позволения мне жить в Опочке или в Риге; черт ли в них? а просить или о въезде в столицу, или о чужих краях. В столицу хочется мне для вас, друзья мои, – хочется с вами еще перед смертию повратъ; но, конечно, благоразумнее бы отправиться за море. Что мне в России делать?»

Кстати говоря, рябой и кривой Архип Курочкин, упомянутый Пушкиным-Хохловым в фальшивой подорожной (ростом на полвершка меньше поэта), заслуживает внимания. Он, хоть это к нашей теме и не относится, вошел благодаря указанным обстоятельствам в историю литературы. С ним пушкинисты сыграли забавную шутку – его... клонировали: из одного Курочкина состряпали двух.

Модзалевский называет его просто «Архип (крепостной Пушкиных)». «О спутнике Пушкина, Архипе Курочкине, – писал Цявловский, – мы не имеем никаких сведений. Можно только отметить, что эту фамилию носит в «Капитанской дочке» казак, паривший Пугачева, и

¹⁴ Рукою Пушкина. М. – Л., 1935, с.755.

¹⁵ Ю.И. Айхенвальд. Дон Кихот на русской почве. Chaldize Publications, NY, 1982, т.1, с.42.

в «Барышне-крестьянке» – Акулина Петровна»¹⁶. На самом деле сведения о Курочкине существовали, и Цявловский позже сам отметил свою ошибку¹⁷.

К характеристике, данной Пушкиным в билете, можно прибавить, что Курочкин назывался еще Архипом Кирилловым (по отцу). В росписи церкви погоста Вороничи читаем: «... Значатся в числе 240 дворов... помещицы Надежды Осиповой жены Пушкиной, сельца Михайловского дворовые люди... Архип Кириллов 43 лет, жена его Аграфена 43 лет...»¹⁸. У Архипа был сын Александр, которого посадили, и он находился под следствием. О том, что по окончании следствия его могут выпустить, разузнал и писал старосте Михайловского Петру Павлову муж сестры поэта Николай Павлищев. Отец Сергей Львович наказывал дочери следить за Архипом, «чтоб он заботился о дорожке и цветах»¹⁹.

Когда за Пушкиным прибыли жандармы везти его в Москву на прием к царю, Архипа послали в Тригорское за пистолетами, которые барин решил взять с собой²⁰. Из Петербурга Пушкин писал своей соседке Осиповой, назвав Архипа в числе «наших людей в Михайловском» и подозревая, что этот дворовый притырил ящик с его вещами. Павлищев докладывал из Михайловского, что староста с Архипом поймали порубщика в лесу, а затем – что он (Павлищев) сделал садовника Архипа заведующим частью хозяйства. На нем – «птицы, пчелы, счет и приплод скота, масло, шерсть, лен, пряжа, огороды, сад, дом и надзор за дворнею»²¹.

По всему видно, был Архип мужиком сообразительным, коль выбился в начальники.

В известном справочнике Л.А. Черейского «Пушкин и его окружение» значатся два Архипа, и оба по фамилии Курочкины: один крепостной Осиповой в Тригорском, другой – крепостной Пушкиных в Михайловском²². Архип № 1, если верить справочнику, рождения около 1800 года, записан Пушкиным в билет; Архип же № 2 – садовник в Михайловском, без года рождения.

Изготовление дубликата Архипа – ошибка. Единственный Архип, крепостной матери Пушкина, родился примерно в 1780—82 году. Может быть, это раздвоение объясняется известной тенденцией советской пушкинистики окружить Пушкина как можно большим количеством простых людей из народа? У Архипа был брат Павел, но и он тут ни при чем. Что касается Хохлова – то это сам Пушкин, сомнений не было никогда. Он прибавил себе три года, поскольку выглядел старше, чем был на самом деле, а рост прибавить при всем желании никак не мог. Цявловский опубликовал в «Литературной газете» 6 июня 1934 года заметку под названием «Пушкин – Хохлов», но, не обратив внимания, что точный рост свой указал Пушкин, ссылается на рост, записанный Чернецовым.

Итак, свой точный рост указал сам Александр Сергеевич: два аршина четыре вершка – реальный рост, без каблуков. Он не мог быть в цилиндре и туфлях на каблуках, в каких являлся в свете, то есть проводя время с братом и, тем более, когда позировал художнику у графа Кутайсова. Может, он надел валенки или лапти, надо же выглядеть настоящим крестьянином!

¹⁶ Рукою Пушкина. М. – Л., 1935, с.755.

¹⁷ М.А. Цявловский. Летопись жизни и творчества Пушкина. Л., 1991, с.682.

¹⁸ В.Д. Смиреченский. Дворовые и соседи А.С. Пушкина в Михайловском. Из Псковской старины. Псков, 1916, т.1.

¹⁹ Письма С.Л. и Н.О. Пушкиных к их дочери О.С. Павлищевой. СПб., 1993, с.74.

²⁰ П. Парфенов. Рассказы о Пушкине. Пушкин в восп. совр. М., 1998, т.1, с.435.

²¹ Письма О.С. Павлищевой к мужу и отцу. СПб., 1994, сс.222, 229.

²² Л.А. Черейский. Пушкин и его окружение. Л., 1988, с.221.

Особенности русской арифметики

Современному читателю рост два аршина четыре вершка ничего не говорит, и я решил перевести его в метрическую систему. Не тут-то было! Уникальность России в том, что даже простые меры длины в ней уникальны и, как говорится, без пол-литры не разберешься. Придется ради простого дела пуститься в глубины проблемы.

Персидское слово «арш» стало в татарском «аршин» и пришло в русский язык в XVI веке, а до того на Руси мерили локтем. В аршине четыре пяди (или четверти), как уточняет Владимир Даль, одна треть сажени. Великая вещь русский авось! В обиходе аршин – это длина всей руки от плеча или... вольный шаг человека. При таких-то измерениях пословицы гласят: «Аршин не солжет» и «Мера делу вера». Уж больше подходят «Семь аршин говядины да три фунта лент» – поговорка о бессмыслице – и «Побоев на аршине не смеряешь». Петр Первый установил, что в аршине 28 английских дюймов, но шведский профессор упрекнул его в неточности.

Вершок, в отличие от аршина, слово русское, появилось оно в виде добавления к слову «аршин». У Даля «вершок» найти трудно, в статье «Верх» это «верх перста», палец. Смысл – в излишке чего-либо: скажем, «насыпать зерно верхом», не скупиться (поэтому вершок «с небольшим» в мемуарах Льва Пушкина – нелепица). «Два верха» означало «два вершка» – уже щедрость. Путаница в том, что в русском локте было 10 и две трети вершка, а в татарском аршине 15 или 16 вершков. Даль говорит, что в аршине 16 вершков.

В Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона имеются таблицы перевода русских мер в иностранные метрические²³. Согласно таблицам, 1 русский аршин равен 711,19 миллиметра, а 1 вершок – 44,449 миллиметра. Таблицам более ста лет. Предполагая по наивности, что научный прогресс способствует более точным знаниям, обращаюсь в современные энциклопедии. В третьем издании БСЭ (1970) и в Советском энциклопедическом словаре (1990) «аршин» из татарского превращен в тюркский и размеры неточно округлены: аршин – 71,12 сантиметра, а вершок (говорится, что он был равен длине фаланги указательного пальца) – 4,45 сантиметра.

Таким образом, пришлось считать по таблицам прошлого века, которые точнее советских. Рост Пушкина, что указан его братом Львом, 164,5 сантиметра «с небольшим», а записанный Чернецовым – 166,7. Рост, который указал для полиции сам Александр Сергеевич, 160 сантиметров. На деле Пушкин был ниже, чем указал Лев, на 4,5 сантиметра и ниже по сравнению с чернецовской меркой на 6,7 сантиметра. Хочется сделать нашего Пушкина выше; не потому ли пушкинистика игнорирует Хохлова?

Читатель вправе поморщиться и сказать: «Ну, ладно! Великий Пушкин был длиной тела 160 сантиметров. Какое, черт побери, отношение имеет это к стихам, прозе да и вообще ко всему, связанному с поэтом? Что нам за дело до его роста?»

Хочется сразу ответить: никакого! Рост у поэта был маленький, но не карликовый, особенно если учесть, что люди тогда были ниже ростом. Однако по сложившейся за два века традиции в Пушкине нам важно абсолютно все, включая рецепт на лекарство, которым он лечил гонорею. И его рост требовал уточнения, чтобы занять свое маленькое место в биографии большого поэта.

Тут можно бы остановиться, а все ж добавлю: Пушкин почему-то сказал, что маленький рост – «самый глупый». Над этими двумя словами я задумался и потому морочу вам голову.

²³ Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Энциклопедический словарь. СПб., 1891, т.5. Приложения, с. VIII.

«Самый глупый рост»?

На что обращаете вы внимание прежде всего, встречая незнакомого человека? Вероятно, сперва на то, что сразу бросится в глаза (беру наугад): корона на голове, борода до пояса, сигара во рту, яркий бант на шее, голубой цвет волос, чрезмерное декольте, костыли. Рост отметите сперва, если только перед вами коротышка или великан. Пушкин воспринимал людей иначе. Для него, с его необычайным даром метких характеристик, рост любого человека был первой и, значит, главнейшей приметой. Именно рост в описании героя для инженера человеческих душ Пушкина – прежде всего! И еще: внимание поэта занимал в основном рост мужчин. Рост женщин он указывал реже, но обязательно отмечал, если женщина высокого роста. Типажи его легко сортируются на три группы: *среднего* роста, *высокого* и *маленького*.

Герои *среднего* (он иногда писал *середнего*) роста. В «Записках бригадира Моро-де-Бразе», когда тот встречает нового человека, Пушкин замечает: «Он был среднего роста, сложен удивительно стройно...». «История Пугачева» – о Пугачеве: «Незнакомец был росту среднего, широкоплеч и худошав», а несколькими страницами позже, видимо, забыв, что про рост уже сказано, повторяет: «Он был сорока лет от роду, росту среднего, смугл и худошав...». В «Капитанской дочке», писавшейся одновременно с исследованием о Пугачеве, повторяется уже знакомое: «Он был лет сорока, росту среднего, худошав и широкоплеч».

Вот Белкин, под именем которого сперва скрылся Пушкин, публикуя сборник повестей: «Иван Петрович был росту среднего...». Исправник составляет приметы Дубровского: «От роду 23 года, роста середнего...». В «Борисе Годунове»: «А росту он (Гришка. – Ю.Д.) среднего, лоб имеет плешивый...». И даже пародийное обобщение всех жителей: «Обитатели Горюхина большей частью росту середнего...».

У *высоких* людей Пушкин отмечает рост обязательно. О генерале: «Я увидел мужчину росту высокого...». «Впереди стоял комендант, старик бодрый и высокого росту...»; наперсник Пугачева – «был высокого росту...». Художник в «Египетских ночах»: «Он был высокого росту...». О Кирджали: «Он был высокого росту...». В «Дубровском» – об отце: «Вошел, насилию передвигая ноги, старик высокого роста...». О «Железной маске»: «Некто, высокого росту...». В «Арапе Петра Великого», о царе: «В углу человек высокого росту...»; сам арап, предок, которым поэт гордился: «Красивый молодой человек высокого росту» (что, кажется, неправда).

Рост длинного мужчины иногда подчеркивается Пушкиным с несколько ироническим сравнением: «Был он ростом как цесарский рекрут». Или: «Князь, мужчина лет сорока пяти, ростом выше Преображенского флигельмана». Этого князя Казбека в «Путешествии в Арзрум» Пушкин чуть ниже называет «великаном»: «Великан тянул из него (бурдюка. – Ю.Д.) чихирь и сделал мне несколько вопросов, на которые отвечал я с почтением, подобаемым его званию и росту». Вот мысль Пушкина: высокий рост *уважителен*. В последние годы жизни поэт стал почтительно относиться к высоченной фигуре Петра I. А если речь идет о длинной женщине, то, по Пушкину, высота ей в плюс, часть красоты. Пример из «Домика в Коломне»:

За нею следом, робко выступая,
Короткой юбочкой принарядясь,
Высокая, собою недурная,
Шла девушка...

Коль скоро зашла речь о великане, то тут понятие роста расширяется. Не просто длина тела – тридцать три богатыря, «все красавцы удалые, великаны молодые», но и величие ума: Гете назван Пушкиным «великаном романтической поэзии», Вольтер – «великан сей эпохи».

Теперь о пушкинских типах *маленького* роста. Слово «маленький» поэт употребил 109 раз, но лишь несколько раз – говоря о росте. Подчас он предпочитал писать более мягко: «малого» роста или «небольшого». Отмечу, кстати, что применительно к росту Пушкин избегал слов: «короткий», «коротенький», «коротышка», «махонький», «мелкорослый», – предпочитая (например, о Швабрине): «Вошел молодой офицер невысокого роста...». А главное, маленький рост людей у Пушкина часто компенсируется их отвагой, силой, лихостью или, иногда, страданием. В Одессе в мае или июне 1824 года Пушкин, разъяренный стремлением графа Воронцова избавиться от беспокойного служащего, сочиняет на него эпиграмму:

Певец-Давид был ростом мал,
Но повалил же Голиафа,
Который был и генерал,
И, положусь, не проще графа.

Смысл прозрачен: опальному поэту кажется, что он одолеет высокого генерал-губернатора, у которого он, маленький, служит мелким чиновником.

Давид Будри, который учил Пушкина в лицее французской словесности, был родным братом Марата. Помнил это Пушкин всю жизнь и записал в конце своих дней: «Будри сказывал, что брат его был необыкновенно силен, несмотря на свою худощавость и малый рост». Гришка Отрепьев в «Борисе Годунове» – «ростом он мал», но оказывается проворнее разыскивавших его в корчме приставов: маленький Гришка вынимает кинжал, все перед ним расступаются, и он бросается в окно. Отец Нащокина, пишет Пушкин, «принадлежит к замечательнейшим лицам Екатерининского века. Он был малого роста, сильного сложения, горд и вспыльчив до крайности». А арапка Мария, его камердинерша, «была высокого роста и зла до крайности». Маленький человек – обезображенный пытками башкирец в «Капитанской дочке», у которого отрезаны нос, уши и язык, страдает. Тут Пушкин сперва обращает наше внимание на уродство башкирца и затем сообщает: «Он был малого росту, тощ и сторблен».

И еще один пример. Пушкин сватался к Анне Олениной, но она ему отказала. В отместку в «Евгении Онегине» появились следующие строки:

Annette Olenine тут была,
Уж так жеманна, так мала!..
Так бестолкова, так писклива,
Что вся была в отца и мать...

Эти строки остались в черновике, что, конечно, разумно.

Но оторвемся от литературных опытов. Кажется, что горлану-главарю *à la* Маяковский, то есть вовлеченному в большую политику писателю, рост важнее, чем прочим смертным. Какое значение имел рост для самого Пушкина? Можно ли говорить применительно к нему о чувстве неполноценности?

Комплекс маленького роста

Мне скажут: российские психоаналитики не в силах охватить личность такого объема. Фрейдистам на Западе легче, поскольку с Пушкиным *лично* они не связаны, но я и не фрейдист вовсе. Ссылаться на его самооценку («я неумен и некрасив»), то есть серьезно анализировать то, что сказано с юмором, тоже неправомерно. Впервые встречавшие его удивлялись: «С любопытством смотрел я на эту небольшую худенькую фигуру и не верил, как он мог быть забиякой...», – это свидетельство Ивана Лажечникова²⁴.

Его любили друзья, публика аплодировала, когда он входил в театральную залу. Какой там комплекс роста или комплекс неполноценности у Пушкина, значительнейшего человека своего времени, рано достигшего славы, кумира общества? Но, видимо, были какие-то ощущения, чинившие ему неудобства.

Может, вспомнить о его самолюбии и гордости, которые, бесспорно, имели место? А это – классические признаки компенсации чувства неполноценности. У человека маленького роста такое чувство может проявляться в стремлении восполнить малый рост большей физической силой и отвагой. Пушкин с юншества любил драться, носил с собой тяжелую железную палку, ездил верхом, в Кишиневе и Михайловском до бесконечности палил из пистолета, охотно участвовал в дуэлях. Комплекс проявлялся в мелочах: скандальность поведения, чтобы обратить на себя внимание (в театре Пушкин показывает портрет террориста); подчеркивание своего африканского прошлого (все белые, а я черный); подчеркивание шестисотлетних корней своего дворянства (за что Пушкина стыдили друзья); даже мелкое оригинальничанье (отращивание длинных ногтей, бакенбардов).

Зачем вообще хотеть быть высокого роста? Поразмыслив, приходишь к выводу: рост мужчине нужен, только чтобы нравиться женщинам. Мне возразят: это сомнительно, ведь Чехов, например, обладал ростом 186 сантиметров, а Пушкин ростом не вышел; при этом оба пользовались большим успехом у женщин. И все же, не знаю почему (может, стереотип мышления?), если мужчина ниже женщины, это выглядит смешно.

В танце, как, впрочем, и в быту, логично, чтобы женщина опиралась на плечо, которое выше, а не ниже ее собственного, – иначе получается, что мужчина опирается на нее. При женщинах маленький рост отодвигает мужчину в сравнении с соперниками в сторону, принуждает думать, как преодолеть этот недостаток. В женском обществе один маленький мужчина то и дело приподнимается на цыпочки, как бы порхая, другой похвастается большими деньгами, третий гордится славой и властью, которые компенсируют недостаток в росте, четвертый заказывает себе туфли на каблучицах, напоминающих котурны.

Мужские каблуки заслуживают отдельного исследования. Каблуки были не только возможностью для Пушкина казаться выше. Мужчины того времени носили каблуки черные и красные. Красные свидетельствовали о принадлежности к элите, их полагалось носить лицам высших чинов государства, поэтому о красных каблуках Пушкин мог мечтать, но, увы, положение сочинителя и камер-юнкера права носить красные каблуки не давало. С каблуками женщины дело проще: ясно, что они не просто удлиняют ноги, они делают женщину равной в росте мужчине, а высокую женщину делают выше мужчины, и некоторым мужчинам это симпатично. Кроме того, движения женщины на высоких каблуках становятся более сексуальными.

Брат Лев вспоминал: «Женщинам Пушкин нравился; он бывал с ними необыкновенно увлекателен и внушил не одну страсть на веку своем. Когда он кокетничал с женщиною или когда был действительно ею занят, разговор его становился необыкновенно заманчив». Но донжуанский список Пушкина, вписанный в альбом сестер Ушаковых, есть отражение (никуда от

²⁴ Б.Л. Модзалевский. Пушкин. Л., 1929, с.108.

этого не деться) комплекса неполноценности. В общем виде поведение Дон Жуана описано Отто Ранком и, конечно, Зигмундом Фрейдом²⁵. На более поверхностном уровне обращает на себя внимание агрессивное (особенно по сегодняшним американским нормам) сексуальное поведение поэта, постоянно сопровождавшееся хвастовством своими похождениями устно и в письмах приятелям, даже перед женщинами. Теория такого поведения довольно хорошо изучена на Западе²⁶.

Пушкин от маленького своего роста, возможно, не страдал, когда решил жениться и невеста оказалась значительно выше его ростом. Добавим: не страдал до того момента, когда царь обратил внимание на его жену, и до появления в его доме Дантеса. А затем начал комплексовать. На балах, как свидетельствуют современники, старался быть от жены подальше. «Пушкин не любил стоять рядом с своею женой, – свидетельствуют Петр и Вера Вяземские, – и шутя говаривал, что ему подле нее быть унижительно: так мал был он в сравнении с нею ростом»²⁷. Современник поэта Вильгельм Ленц находит сравнение: «Входит дама, стройная как пальма... Такого роста, такой осанки я никогда не видывал»²⁸. Какого, кстати, роста была Наталья Николаевна?

Мы полагали, что разница была не очень велика, пока не побывали в Словакии, в имении Густава Фризенгофа, мужа Александры Гончаровой – старшей сестры Натальи и одной из последних возлюбленных Пушкина. По данным музея в Бродзянах, где имеется зарубка роста жены поэта на дверном проеме, росту в ней 175,5 сантиметра, и она была на 15,5 сантиметра выше Пушкина. А на каблуках – выше на голову. Понятно, почему ее вдохновляли мужчины высокого роста. Сначала император Николай, высоченная фигура которого высилась в толпе, и Пушкин мог лишь, стиснув зубы, наблюдать, как его жена танцует с царем и как тот за ней ухаживает. А Дантес, которого она полюбила и которого поэт возненавидел? Тоже был здоровенный красавец. Рост и физическая красота оказались для жены поэта привлекательнее ума и таланта.

Маленький рост Пушкина усугублялся ненаходчивостью в разговоре с мужчинами, как отмечают современники, тем, что французы называют *esprit de l'escalier* — «остроумие на лестнице», а наши соотечественники – соображением: *хорошая мысль приходит опосля*. В текстах он был блестящ, но это случалось потом, наедине с бумагой. Письма его (к счастью для нас) были лучше, чем его беседы, но письма же и погубили его. Возможно, устные угрозы соблазнителью жены растаяли бы в воздухе, и дело не кончилось бы так плачевно. Ярость и месть искали выхода. Маленький некрасивый гений писал оскорбительные послания высокому красавцу офицеру, который одержал над ним победу в борьбе за женщину, злобными письмами втянул в конфликт Геккерена – и выхода для Дантеса не осталось.

Не приводят ли нас размышления о росте Пушкина к некоему парадоксу? Разумеется, главной компенсацией любых его комплексов были поэзия и проза. Собою дурен и ростом мал (известное нам свидетельство брата), Пушкин все-таки не сумел одолеть силой ума свой небольшой физический рост. И – не стал ли рост одной из причин его смерти, по сей день неучтенных? Зато как творец он не только преодолел себя, свою эпоху, но сделался такого огромного роста, что нам не дотянуться, чтобы положить руку ему на плечо.

1999

²⁵ Otto Rank. Die Don Juan Gestalt. Im.VIII, 1922; Sigmund Freud. Contribution to the Psychology of Love. 1922, C.P.IV.

²⁶ См. например, Otto Fenichel. The Psychoanalytic Theory of Neurosis. London, 1945, pp.242–245.

²⁷ Пушкин в восп. совр. М., 1974, с.165.

²⁸ Пушкин. Письма. М. – Л., 1935, т.3, с.571.

Няня в венчике из роз

Няню поэта мы знаем с детства, будто не только поэта, но и нас самих она выходила. Ей принадлежит почетное место в любой биографии поэта.

Стоит ли приниматься за такую банальную тему?

Что нового удастся сказать?

В очередной раз перебирая материалы, накопленные за долгие годы в толстой папке с ее именем, мы решили попытаться взглянуть на няню, так сказать, как на историко-литературное явление, может быть, как на одну из нерешенных загадок биографии Пушкина.

Исходные материалы о няне скудны, но, судя по всему, извлечено максимум возможного и интерпретировано по-разному, иногда не в лад с историческими фактами, – на то были свои причины. По неписаному закону пушкинистики окружение великого поэта сортировали, делили на друзей и врагов с последующей гипертрофией их достоинств или недостатков. Няня чистку выдерживала с честью и не раз.

Няня. Но какая?

Прежде всего само ставшее традиционным термином выражение «няня Пушкина», принятое в пушкинистике, требует уточнения.

При жизни ее звали Арина. Под старость некоторые именовали ее Родионовна, как делается иногда в деревнях. Сам Пушкин ни единого раза не назвал ее по имени, а в письмах писал «няня» (один раз даже с заглавной буквы). В научной российской и западной литературе она именуется чаще как Арина Родионовна, без фамилии, либо, реже, под фамилией Яковлева²⁹.

Арина – ее домашнее имя, а подлинными были два: Ирина и, в других документах, Иринья. Ее фамилия, судя по податным спискам, Родионова. Под этой фамилией она была похоронена. В одной из поздних публикаций говорится: «Появление в современной литературе о няне А.С. Пушкина фамилии Яковлева, будто бы ей принадлежавшей, ничем не обосновано. Как крепостная крестьянка няня фамилии не имела. В документах (ревизские сказки, исповедальные росписи, метрические церковные книги) она названа по отцу – Родионовой, а в быту – Родионовной. Никто из современников поэта Яковлевой ее не называл»³⁰.

Это вопрос спорный, считают, однако, другие, ибо детей называют по отцу, а фамилия ее отца – Яковлев. Мейлах называет ее Арина Матвеева (по мужу)³¹. Так или иначе, крепостные у Пушкина и Гоголя называются Савельич, Селифан, Петрушка, а величание по имени и отчеству Арина Родионовна и без фамилии, широко принятое в литературе, сразу выводит няню на определенный уровень. Ведь начиная с фольклорных имен (скажем, Микула Селянинович) так принято именовать в печати только героев, царей, великих князей (например, Николай Павлович, Константин Павлович) да общеизвестных лиц (Александр Сергеевич, Иосиф Виссарионович).

Согласно метрической книге Воскресенской Суйдинской церкви, няня родилась 10 апреля 1758 года в Суйде (теперь село Воскресенское), а точнее – в полуверсте от Суйды, в деревне Лампово. Это так называемая Ижорская земля в Петербургской губернии, на территории Ингерманландии, принадлежавшей когда-то Великому Новгороду, потом Швеции и отвоеванной Петром Великим. На малонаселенной этой местности насаждалось православие, лютеранство, затем снова православие. Мать ее, Лукерья Кириллова, и отец, Родион Яковлев, имели семерых детей, причем двух – с одинаковым именем Евдокия. Ребенком Арина числилась крепостной графа Ф.А. Апраксина. Суйду и прилегающие деревни с людьми купил у графа Апраксина прадед поэта Абрам Ганнибал. Арина (Ирина, Иринья) Родионова-Яковлева-Матвеева прожила долгую по тем временам, за 70-й рубеж, жизнь.

В 1781 году Арина вышла замуж, и ей разрешили переехать к мужу в село Кобрينو, что неподалеку от нынешней Гатчины. Через год после рождения Пушкина бабка его Мария Ганнибал продала Кобрينو с людьми и купила Захарово под Москвой. Арину с семьей и домом, в котором они жили, бабушка исключила из запродажной. Ситуация не такая ясная, как о ней пишут. Одно время принято было считать, что Арине с семьей: мужем Федором Матвеевым, умершим в 1801 или 1802 году от пьянства, и четырьмя детьми, – Мария Ганнибал то ли подарила, то ли хотела подарить вольную.

Арина от вольной отказалась. Это утверждает в своих воспоминаниях сестра Пушкина Ольга Сергеевна Павлицева. Няня осталась дворовой. Кстати, толковый словарь объясняет слово «дворовый» как «крепостной», а именно «взятый на барский, господский двор (о кре-

²⁹ См.: Пушкин. Письма. Под ред. Б.Л. Модзалевского. Academia, 1935, т.3, с.674; Л.А. Черейский. Пушкин и его окружение. Л., 1988, с.524; John Bayley. Pushkin: A Comparative Commentary. 1971, pp.50–51; Яковлева – много источников.

³⁰ Н.И. Грановская. Если ехать вам случится. Л., 1989, с.63.

³¹ Б.С. Мейлах. Пушкин и его эпоха. М., 1958, с.686.

постных крестьянах, оторванных от земли для обслуживания помещика, его дома)»³². Дочь Арины Родионовны Марья вышла замуж за крепостного и, таким образом, осталась крепостной. Арина сказала: «Я сама была крестьянка, на что вольная?!»³³.

Биограф няни А.И. Ульяновский утверждает, что дети вольной не получили³⁴. Всю жизнь Арина считала себя рабой своих господ; «верной рабой» называет няню в «Дубровском» сам Пушкин, хотя это, конечно, литературный образ. «Отпустить на волю семью няни, – полагает Грановская, – Мария Алексеевна, видимо, собиралась... но не отпустила»³⁵. Если это так, то отказ няни от вольной теряет смысл. В Михайловском, судя по спискам, Арина и дети ее снова проходят крепостными. «Арина Родионовна родилась и умерла крепостной»³⁶. ««Трижды» крепостная, – ретроспективно замечает Н.С. Брагинская, – Апраксина, Ганнибала, Пушкиных»³⁷. И Пушкина, заметим мы, ситуация вполне устраивала. Никогда, ни одним словом он не затронул этой темы применительно к няне, хотя рабство в общем виде возмущало его гражданские чувства не раз.

Важно, что сама Арина Родионовна и дети ее оказались на некоем особом положении. Арина то оставалась прислуживать у Пушкиных, то возвращалась в деревню, и мы не знаем точно куда. По надобности ее привозили прислуживать в барском доме, но и возвращали обратно, по-видимому, в Михайловское. Она некто вроде ключницы: стережет усадьбу, выполняет поручения господ, ей доверяют, убедившись в ее честности, кое-какие денежные дела. Она *house keeper* (домоправительница), по определению В.В.Набокова, старавшегося объяснить западному читателю ее роль³⁸. В 1792 году Арина была взята Марией Ганнибал в дом опекуна ее дочери, то есть матери Пушкина, кормилицей сына этого опекуна. Дядя поэта А.Ю. Пушкин пишет про этого сына, что «Ганнибалова дала ему в кормилицы из Кобринна вышеописанную Арину Родионовну». Она «оставлена была у него в няньках до 1797 года»³⁹.

Как соотносится рождение собственных детей няни с рождением детей Пушкиных? Вопрос не праздный, ибо кто выкормил поэта грудью? Когда Пушкин родился, Арине был 41 год, через два года она овдовела и больше не рожала. Детям Арины Родионовны от Федора Матвеева в год рождения Пушкина было: Егору 17 лет, Надежде – 11, Марии (оставившей нечто вроде примитивных воспоминаний) – 10 лет. Последний сын Арины, Стефан, родился, скорее всего, в конце 1797 года, тогда же (20 декабря 1797 г.) родилась старшая сестра Пушкина Ольга, и из деревни в дом Пушкиных взяли Арину, потому что у нее было молоко. Пушкин родился через полтора года, когда она уже выкормила или кончала кормить его сестру. Скорее всего, у Арины молока уже не было, и ее отправили в деревню. Грудью тогда кормили долго. Дочь Арины Марья вспоминала: «Только выкормила Ольгу Сергеевну, а потом к Александру Сергеевичу была взята в няни»⁴⁰. Свидетельство неточное. Для Александра Сергеевича привезли другую кормилицу.

Выражение «няня Пушкина» вбирает в себя как минимум двух женщин. По свидетельству сестры, Ольги Павлищевой, у поэта было две няни, обе Яковлевы. Скорее всего, и первая нянька была взята из деревни, принадлежавшей Марии Ганнибал. Несколько фамилий на всю деревню были, да и сейчас еще остаются нормой.

³² Словарь совр. рус. лит. яз. М., 1954, т.3, с.596.

³³ П.В. Анненков. Материалы для биографии Пушкина. Соч. Пушкина. СПб., 1855, т.1, с.3.

³⁴ А.И. Ульяновский. Няня Пушкина. М. – Л., 1940.

³⁵ Н.И. Грановская. Ibid., с.97.

³⁶ Ibid., с. 104.

³⁷ Н.С. Брагинская. Пушкин и его няня. Ракурс, Нью-Йорк, 6 июня 1995.

³⁸ Eugene Onegin. Trans. by V.V. Nabokov. Princeton, 1975, v.IV, p.64. Перевод здесь и далее наш.

³⁹ А.Ю. Пушкин. Для биографии Пушкина. Москвитянин, 1852, кн.2, с.21–25.

⁴⁰ Н.В. Берг. Сельцо Захарово. Москвитянин, 1851, кн.3, с.29–32.

Первой нянькой поэта была Ульяна (Улиана) Яковлевна или Яковлева (рождения, возможно, 1767 или 1768 года, может быть, вдова, год смерти неизвестен)⁴¹. Она кормила его грудью от рождения, или, как сообщает советский источник, чтобы избежать вопроса кормления грудью, Ульяна «первые два года играла большую роль»⁴². Через год и десять месяцев после Пушкина родился его брат Николай (шесть лет спустя умерший), а еще через четыре года брат Лев. Ольга пишет, что «родился Лев Сергеевич, и Арине Родионовне поручено было ходить за ним: так она сделалась общею нянею»⁴³. Однако Ульяна оставалась с Пушкиным до 1811 года.

После Ольги Арина вынянчила Александра и Льва, но кормилицей была только для Ольги. Набоков вообще называет Арину Родионовну «более точно, старая няня его сестры», а потом «бывшая няня его сестры»⁴⁴. Не одна она, конечно, была няней. Прислуги в доме Пушкиных было много, кормилиц без труда находили в деревне и отсылали обратно, но этой няне доверяли больше других. Мать Пушкина, когда нуждалась в ней, разрешала ей спать не в людской, а в господском доме. Позже прислуживать господам взяли и дочь няни Надежду.

Детям Арины разрешили поселиться в сельце Захарове. В 1811 году Захарово продали. В семье Пушкиных родились и умерли младенцами Софья, Павел, Михаил и Платон. Неизвестно, нянчила ли Арина кого-либо из этих детей⁴⁵. Родители, когда Пушкин попал в лицей, уехали из Москвы в Варшаву, где Сергей Львович получил должность. Арину отправили в Михайловское.

В замыслах автобиографии Пушкина имеется строка: «Первые впечатления. Юсупов сад, землетрясение, няня». Замысел остался нереализованным, и можно спорить, какую няню поэт имел в виду описать во время землетрясения 1802 года. Посмотрим формальное употребление им слова «няня». Согласно «Указателю поэзии Пушкина» Томаса Шоу, слово «няня» в разных падежах поэт употребил в стихах 23 раза, из них в «Онегине» 17 раз, остается 6⁴⁶. В «Словаре языка Пушкина», включающем письма и черновики, слово «няня» отмечено 36 раз; из них в «Онегине» 19 и еще 17 слов за всю жизнь поэта.

Значение Арины Родионовны в истории русской литературы базируется на нескольких тезисах, и основной из них – сентиментальный: поэт любил няню и ввел ее в свои произведения. Действительно ли она играла важную роль в его жизни?

⁴¹ В двух местах справочника она названа по-разному и с разными годами рождения. Л.А. Черейский. Пушкин и его окружение. Л., 1988, с.455, 524.

⁴² А.И. Ульянский. Ibid., с.25.

⁴³ О.С. Павлицева. Воспоминания о детстве Пушкина. Пушкин в восп. совр. М., 1974, т.1, с.52.

⁴⁴ V.V. Nabokov. Ibid, v.2, pp.362, 454.

⁴⁵ Мать была внучатой племянницей отца: «...Дед мой... женился на... дочери родного брата деду отца моего (который доводится внучатым братом моей матери)». А.С.Пушкин. Автобиографические записки. Не оттого ли пятеро из восьми детей Пушкиных умерли, что в браке этом было кровосмешительство?

⁴⁶ Pushkin. A Concordance to the Poetry by Thomas Show. Columbus, Slavica Publishers, 1985, v.I, p.661.

В услуженье барину

Прикинем время их общения. Первое лето в своей жизни Пушкин провел в Михайловском, куда его привезли вскоре после рождения; лишь осенью родители уехали в Петербург. Когда она начала его нянчить, неясно, но «на седьмом году», пишет Бартенев, «няню и бабушку сменили гувернеры и учителя»⁴⁷. Вряд ли они виделись, когда Арину в ноябре 1817 года привезли в город нянчить последнего родившегося у Пушкиных ребенка – Платона. С ним отправились в Михайловское, где он вскоре умер. В 17-м и 19-м годах летом Пушкин приезжал в Михайловское отдыхать, и в эти посещения она его видела, «если она была там в это время», – Набоков подчеркивает *если*⁴⁸. Привязанность к ней, или, как пишут, его любовь к няне, а значит, и роль ее в его жизни относятся к Михайловской ссылке, которая продолжается два года. Он жил в большом, господском доме, а няня во флигеле, где была баня, или в девичьей. После ссылки, через два месяца, поэт снова съездил ненадолго в деревню, а в 1827 году еще раз.

Любовь его к няне подтверждается рядом источников. Сестра Ольга уточняет: он любил ее с детства, а оценил в Михайловском. Потрясающая точность пушкинских характеристик людей (Арине Родионовне 68 лет) не оставляет никаких сомнений, что это было так:

Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя...

Два стихотворения начинаются со слова «Подруга»: «Подруга думы праздной», обращенное к чернильнице, и это, обращенное к няне, – неоконченный отрывок. Стихотворение брошено на полуслове; Пушкин не публиковал его, печатается оно с обрезанием последней строки «То чудится тебе...».

Как заметил Котляревский, «Пушкин подкрашивал воспоминания»⁴⁹. Перечитаем михайловскую переписку поэта, множество раз цитированную в подтверждение дружбы с Ариной Родионовной. Упоминания няни сперва перетекают у Пушкина из жизни в письма, затем в творчество, и биографу трудно разделить жизненные факты и литературные преувеличения. «Знаешь ли мои занятия? – делится он с братом (ноябрь 1824 г.). – До обеда пишу записки, обедаю поздно; после обеда езжу верхом, вечером слушаю сказки няни и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания».

Тридцать лет спустя Анненков напишет: «Арина Родионовна была посредницей, как известно, в его сношениях с русским сказочным миром, руководительницей его в узнавании поверий, обычаев и самых приемов народа...». И еще: «Александр Сергеевич отзывался о няне, как о последнем своем наставнике, и говорил, что этому учителю он обязан исправлением недостатков своего первоначального французского воспитания»⁵⁰. Основополагающее заявление Анненкова. Но сам Пушкин, в отличие от его биографа, нигде не называет няню ни посредницей, ни руководительницей, ни последним наставником, ни учителем. Кстати, слов «проклятое французское воспитание» у Пушкина тоже нет, у него «недостатки проклятого своего воспитания». Из этого заявления поэта следует, что Арина Родионовна, будучи его няней, как и родители, в детстве воспитывала его не слишком хорошо. Пушкин противоречит пушкинистам, утверждающим огромную положительную роль Арины Родионовны в формировании ребенка-поэта.

⁴⁷ П.И. Бартенев. Род и детство Пушкина. О Пушкине. М., 1992, с.57.

⁴⁸ V. V. Nabokov. Ibid, v.2, p.362.

⁴⁹ Н.А. Котляревский. Пушкин как историческая личность. Берлин, 1925, с.167.

⁵⁰ П.В. Анненков. Пушкин. Материалы для его биографии. СПб., 1873, с.112–113.

В письме Дмитрию Шварцу, чиновнику канцелярии в Одессе, Пушкин пишет (декабрь 1824 г.): «...Вечером слушаю сказки моей няни, оригинала няни Татьяны; вы, кажется, раз ее видели, она единственная моя подруга – и с нею только мне не скучно». В письме другу Вяземскому (январь 1825 г.) – об этом же: «...Валяюсь на лежанке и слушаю старые сказки да песни». И в «Евгении Онегине»:

Но я плоды моих мечтаний
И гармонических затей
Читаю только старой няне,
Подруге юности моей.

Все эти отзывы о няне – после скандала с отцом, когда родители уехали и Александр Сергеевич остался один. «Читаю только старой няне», – потому *только* ей, что еще не налажилось постоянное общение с обитателями Тригорского. Блистательны с детства лежащие в памяти строки из хрестоматийного стихотворения «Зимний вечер». Однако настроение поэта в бурю, которая мглою небо кроет, и даже текст письма, написанного морозной зимой, в начале михайловской ссылки, будучи без меры обобщенными, искажают реальный образ жизни поэта в деревне, сужают его досуг до постоянного проведения времени только с няней. Как бы ни было ему с ней легко и комфортно, она скрашивала его *вынужденное* одиночество.

Важное письмо к Николаю Раевскому-сыну. «Покамест я живу в полном одиночестве: единственная соседка, которую я посещал, уехала в Ригу, и у меня буквально нет другого общества, кроме старушки няни и моей трагедии; последняя подвигается вперед, и я доволен ею». Выходит, по письму, что ему приходилось коротать время с Ариной Родионовной *покамест*, за отсутствием Осиповой и ее компании.

Печален я: со мною друга нет,
С кем долгую запил бы я разлуку...
Я пью один...

Друга нет, пью один. И через несколько строк повторяет: «Я пью один...». Это обращено к лицеистам после года пребывания в Михайловском. О няне больше не пишется. Алексей Вульф вспоминает, что стол Пушкина был завален сочинениями Монтескье и других авторов. Есть много свидетельств очевидцев, что поэт целыми днями и, конечно, вечерами, а то и ночами пропадал в Тригорском. Поставьте себя на место двадцатипятилетнего любвеобильного молодого человека: стали бы вы слушать долго, да еще ежедневно, нянины сказки, когда в трех верстах дом полон жизнерадостного женского смеха и флирта?

«Каждый день, часу в третьем пополудни, Пушкин являлся к нам из своего Михайловского», – пишет Мария, дочь Прасковьи Осиповой⁵¹. Пушкин ездил в Тригорское к Осиповым-Вульфам верхом, иногда на телеге, иногда ходил пешком. Там было общество, там он крутил романы со всеми по очереди начиная с хозяйки имения. Выполняя разные поручения барина, няня ходила в Тригорское. «Бывала она у нас в Тригорском часто и впоследствии у нас же составляла те письма, которые она посылала своему питомцу»⁵². А в Михайловском поэт больше времени проводит один, стреляя в погреб из пистолета да, как он сам признается, пугая уток на озере чтением своих стихов.

В михайловской ссылке няня – его помощница в практических делах, в быту. Ее доброта и забота о нем и приезжающих делают ее незаменимой. Пушкин однажды даже цитирует ее в

⁵¹ М.И. Осипова. Рассказы о Пушкине, записанные М.И. Семевским. Пушкин в восп. совр. М., 1974, т.1, с.423.

⁵² Любовный быт пушкинской поры. М., 1994, т.1, с.232.

письме Вяземскому: «Экой ты неумичивый, как говорит моя Няня». Тогда же, в декабре 24-го года, он пишет сестре Ольге, без которой скучает, что «няня исполнила твою комиссию, ездила в Святые горы и отправила панихиду или что было нужно». В августе 25-го к письму на французском сестре Пушкин приписал по-русски: «Няня заочно у Вас, Ольга Сергеевна, ручки цалует – голубушки моей». Пушкин был плохим помещиком, его обманывали приказчики, хозяйство влачило жалкое существование. Няня вникала в хозяйственные дела, сообщая барину о том, что творилось в деревне.

Любовь Пушкина к Михайловскому остывает. 1 декабря 1826 года он писал приятелю Зубкову, что выехал «из моей проклятой деревушки». А после ссылки он, вольный, иногда прячется в деревне от «пошлости и глупости» Москвы и Петербурга «почти как арлекин, который на вопрос, что он предпочитает: быть колесованным или повешенным, отвечал: «Я предпочитаю молочный суп»» (письмо к Осиповой, летом 1827 года). Пушкин сообщает Вяземскому: «Ты знаешь, что я не корчу чувствительность, но встреча моей дворни, хамов и моей няни – ей-богу приятнее щекотит сердце, чем слава, наслаждения самолюбия, рассеянности и пр. Няня моя уморительна. Вообрази, что 70 лет она выучила наизусть новую молитву *о умилении сердца владыки и укрощении духа его свирепости*, молитвы, вероятно, сочиненной при царе Иване. Теперь у ней попы дерут молебен и мешают мне заниматься делом». Скорее всего, в конце письма шутовское преувеличение о паломничестве священников к няне. Интересно также описание компании, которая встречала поэта: дворня, хамы и няня, которая *уморительна*.

«В числе писем к Пушкину почти от всех знаменитостей русского общества находятся записки от старой няни, которые он берег наравне с первыми». Таков гимн Арине Родионовне Анненкова. Блистательный эвфемизм нашел он: «Мысль и самая форма мысли, видимо, принадлежат Арине Родионовне, хотя она и *позаимствовала руку* (выделено нами. – Ю.Д.) для их изложения»⁵³. Две такие записки существуют. По-видимому, однако, Арина Родионовна «составляла», как выразилась Мария Осипова, то есть просила написать, первое письмо не в Тригорском, а нашла владевшего грамотой мужика. Письмо няни передала с садовником Архипом, которому было поручено привезти книги Пушкина из Михайловского в Петербург (1827). Оба письма приводятся с сохранением стиля оригиналов.

«Генварь – 30 дня. Милостивой Государь Александра, сергеевич и мою честь поздравить васъ съ прошедшимъ, новымъ годомъ изъ новымъ, счастьемъ, иже лаю я тебе любезному моему благодетелю здравия и благополучия; ая васъ уведомляю что я была въ петербурге: иобъ васъ никто – неможить знать где вы находитесь йтвоеи родители, о васъ Соболезнують что вы къ нимъ не приедите; а Ольга сергеевна къ вамъ писали примне соднною дамою вамъ извесна А Мы батюшка отвасъ ожидали, писма Когда вы прикажите, привозить Книги ноне-смогли дождатца: то йвозномерились повашему старому приказу отъ править: то я йпосылаю, большихъ ймалыхъ, Книгъ сшетомъ – 134 книгъ архипу даю денегъ – сш 85 руб. (зачеркнуто. – Ю.Д.) 90 рублей: присемъ Любезной другъ яцалую ваши ручки съ позволений вашего съто разъ иже лаю вамъ то чего ивы желаете йприбуду къ вамъ съискреннымъ почтениемъ *Аринна Родионовна*».

Второе письмо написала для няни приятельница поэта в Тригорском Анна Николаевна Вульф, которая скучала без озорника и дамского угодника Пушкина не меньше Арины Родионовны. «Александръ Сергеевичъ, я получила Ваше письмо и деньги, которые Вы мне прислали. За все Ваши милости я Вамъ всемъ сердцемъ благодарна – Вы у меня беспрестанно в сердце и на уме, и только, когда засну, то забуду Васъ и Ваши милости ко мне. Ваша любезная сестрица тоже меня не забываетъ. Ваше обещание к намъ побывать летомъ очень меня радуетъ. Приезжай, мой ангелъ, к намъ в Михайловское, всехъ лошадей на дорогу выставлю. Наши Петербур.

⁵³ П.В. Аппенков. Ibid., 1855, т.1, с.4.

летомъ не будутъ, они /все/ едутъ непременно в Ревель. Я Васъ буду ожидать и молить Бога, чтобъ он далъ намъ свидѣться. Праск. Алек. приехала из Петерб. – барышни Вамъ кланяются и благодарятъ, что Вы их не позабываете, но говорятъ, что Вы ихъ рано поминаете, потому что они слава Богу живы и здоровы. Прощайте, мой батюшка, Александръ Сергеевичъ. За Ваше здоровье я просвиру вынула и молебень отслужила, поживи, дружочикъ, хорошенько, самому слюбится. Я слава Богу здорова, цалую Ваши ручки и остаюсь Васъ многолюбящая няня Ваша *Арина Родивонова*. Тригорское. Марта 6». Во втором письме, как видим, Арина смотрится совсем иначе благодаря интеллигентности ее ghost writer. Она его на «вы», иногда на «ты». Он ее, разумеется, на «ты», как положено. Тон обоих писем сходный: ее ласка, любовь и забота о барине. По меньшей мере на одно ее письмо Пушкин ответил.

Последний раз он видел Арину в Михайловском 14 сентября 1827 года, за девять месяцев до ее смерти. Нет сведений, что он с ней повидался в Петербурге. Сбоку черновика стихотворения «Волненьем жизни утомленный» под датой 25 июня (1828 года) находим: «Фанни Няня + Elisa e Claudio ня». Фанни – это, по мнению М.А. Цявловского, проститутка, которую он, возможно, в этот день посетил, Elisa – название оперы в Петербургском Большом театре, на которой он побывал, а в середине крестик. Предполагается, что Пушкин узнал о смерти няни, которая незадолго до этого была взята из Михайловского в Петербург в услужение вышедшей замуж Ольге Сергеевне и, согласно одной из версий, простудилась по дороге. На похороны Пушкин не поехал, как, впрочем, и его сестра. Похоронил ее муж Ольги Николай Павлищев, оставив могилу безымянной. Принято считать, что «Няня +» означает у Пушкина в рукописи ее кончину⁵⁴. Получается, что между проституткой и театром ему взгрустнулось о няниной смерти.

Дата, однако, остается неясной. Более ста лет неизвестно было, на каком кладбище Арина похоронена. Ульяновский в своей книге «Няня Пушкина» доказал, что она умерла 31 июля 1828 года, о чем есть запись в церкви Иконы Владимирской Божьей Матери: «Арина Родионова, 5 кл. чиновника Пушкина служащая женщина. Болезни: старость». Грановская считает, что смерть наступила 29 июля, так как хоронили и отпевали тогда на третий день. Но как совместить это с 25 июня, отмеченным Пушкиным крестиком? Даже если предположить, что следует читать не «июнь», а «июль», все равно летом не могли хоронить через шесть дней. Попытки объяснить дату «25 июня» ни к чему не привели. Может, Пушкин отметил крестиком необратимую болезнь ее, о которой он услышал, например инсульт, и понял, что она не поднимется? Он несомненно и искренне любил няню, но местом этой любви было Михайловское; в Петербурге она была ему не нужна.

Могила ее сразу затерялась. По литературе гуляли несколько версий: что ее могила в Святогорском монастыре, вблизи могилы поэта, что Арина похоронена на ее родине в Суйде, а также на Большеохтинском кладбище в Петербурге, где одно время даже была установлена плита с надписью вместо имени «Няня Пушкина». Только в конце тридцатых годов нашего века нашли регистрацию ее похорон на Смоленском кладбище в Петербурге.

⁵⁴ Расшифровка М.А. Цявловского. Тетрадь 2371. Рукою Пушкина. М.—Л., 1935, с.315.

Прототип и друзья поэта

Няня стала литературной моделью и обретает вторую жизнь в воображении и текстах Пушкина. Помимо прочего это хороший стиль того времени и пушкинского круга – человеческое отношение к простому люду, по любимому слову поэта, к черни. Принято писать, что няня является прототипом ряда его героинь. Это Филиппевна, няня Татьяны Лариной, которую в черновиках он называет кроме того Фадеевной и Филатьевной. Затем – мамка Ксения в «Борисе Годунове» и – няня Дубровского Орина Егоровна (Пахомовна), которая даже писала письмо, похожее на те, что диктовала Арина⁵⁵. Тот же тип в княгининой мамке («Русалка») и, пожалуй, в карлице Ласточке («Арап Петра Великого»). Везде второстепенные, похожие друг на друга персонажи.

Еще Набоков искал корни прототипов няни у Пушкина. «Старушка-няня, рассказывающая сказки, – конечно же, древняя тематическая модель. В «Тоске» (1809) у Марии Эджуорт она – ирландка, и ее сказки – об ирландской Черной Бороде и привидении короля О’Донахью»⁵⁶. Факты жизни самой Арины Родионовны как прототипа героини почти не использовались Пушкиным. Например, няня вышла замуж двадцати двух лет, а Филиппевна в «Онегине» тринадцати, и ее история интереснее. Значит, Пушкин использовал информацию, полученную вне общения с няней. Обращаем на это внимание, ибо литературные персонажи поэта стали впоследствии обогащать легендарный образ Арины Родионовны.

Неоконченный черновик широко известного стихотворения «Подруга дней моих суровых...» не имел названия. Заглавие «Няне», поставленное при первой публикации Анненковым, указывалось сначала в скобках, а затем скобки стали отбрасываться, как, впрочем, и половина недописанной строки: «То чудится тебе...». Впервые Анненков опубликовал это в 1855 году, сразу связав художественный образ напрямую с Ариной.

Реальная жизнь, трагедия существования рабы Арины Родионовны, хотя она, возможно, была своей жизнью вполне довольна, почти не нашла отражения у Пушкина. Это была серьезная, не романтическая тема, потому что и «молодость, и любовь были взяты у нее чужими людьми, без спроса у ней»⁵⁷. У Пушкина «и типы, и картины из жизни простонародья почти что отсутствуют», – пишет Котляревский. И дальше: «Единственный вырисованный портрет из этой коллекции набросков был портрет подруги его заточения – няни его Татьяны. Добрая подружка бедной его юности, эта «дряхлая голубка» – промелькнула в его стихах как какое-то видение из, в сущности, чужого ему мира»⁵⁸. Она осталась в его произведениях романтизированным счастливым персонажем без личной жизни и вне социального контекста, столь важного для русской литературы.

Отношение к няне Пушкина нескольких его друзей также связано с михайловским одиночеством поэта. Друзья знали о ней в основном из его стихов, подражали ему, их забота о ней преувеличивается. Дельвиг писал отбывшему из Михайловского Пушкину: «Душа моя, меня пугает положение твоей няни. Как она перенесла совсем неожиданную разлуку с тобою». Невозможно не отметить потерю чувства меры: все-таки служанка – не мать, не жена, не возлюбленная. Пушкин, однако, в досаде вспоминает, что во время его визита в Михайловское Арина раньше времени закрыла задвижки в печах и оба приятеля чуть не угорели. Естественно, поэту, вернувшемуся в Москву, не до няни. Он в состоянии эйфории: встреча с царем, сто-

⁵⁵ Подробнее: *Н.О. Лернер*. Арина Родионовна и няня Дубровского. Пушкин и его совр. Вып. VII, СПб., 1908, с.68–72.

⁵⁶ *V.V.Nabokov*. Ibid, v.2, p.274.

⁵⁷ *И.Ф. Сумцов*. Сборник в память Пушкина. Харьков, 1900, с. 115.

⁵⁸ *Н.А. Котляревский*. Ibid., с. 168.

личный загул, новые жизненные планы. В 1827 году П.А. Осипова, послав Пушкину письмо, вложила в него стихи, которые Языков прислал Вульффу. Они посвящены няне:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.